

Одежда для Мариши.

На бульваре было весело. Дети в светлых платьицах, взявшись за руки, прыгали по дорожке, играли в мяч, катали обручи, прыгали через верёвочку; малышки возились возле большой кучи песка, старательно вылепливали пирожки деревянными формочками. Несколько человек играли в пятнашки, с громкими криками бегая между гуляющими.

Особенно сильно гонялись друг за другом две девочки в светлых платьях: одна—в голубом, другая—в белом. Их широкополые соломенные шляпы повисли на резинках за спиной, а длинные завитые волосы развивались, как крылья.

— Какие резвухи, прости Господи! — жаловалась одна нянька другой: — так вот носятся целый день, угомону на них нет... Лизочка! Наташа! Опять убежали!..

Лиза с Наташей были уже далеко. Они опять перебежали без отдыха весь длинный бульвар и остановились только у выхода на улицу. Обе они были такие весёлые, румяные и нарядные, что на них с завистью и восторгом загляделась маленькая девочка, лет шести, не больше, сидевшая возле пожилой, худой и очень болезненной на вид женщины, торговавшей с лотка различными дешёвыми, порядочно запylёнными сладостями.

Смотри, маменька, барышни-то какие, ровно куколки! — сказала она, дёргая мать за руку.

Наташа засмеялась, услышав её громкий шёпот.

Какая смешная девочка! Иди же играть с нами, если мы — куклы! — заметила она.

Лиза тоже одобрительно улыбнулась девочке.

Ну, ты, сиди! — сердито крикнула торговка, хватая за руку готовую встать дочку — грязнуха такая! Барышни смеются над тобой, Мариша!

Мы вовсе не смеёмся над ней, — вспыхнув, сказала Наташа:— она нам нравится и вовсе не грязная! Правда, Лиза? Лиза кивнула головой.

Ну, коли вправду, пусть идёт, мне что же, а только вас забранят за это, барышни! — отозвалась торговка, неодобрительно качая головой.

Но дети уже не слушали её. Наташа схватила за руку, сиявшую от радости Маришу, подала другую руку Лизе и, как стрела, помчалась вдоль бульвара.

Няня, посмотри, какую мы девочку ведём, её зовут Маришей, и она со своей мамой торгует пряниками! — весело заговорили в один голос сестры, подбегая к няне.

Домой пойдёте, — сурово проговорила няня, свёртывая своё вязанье и даже не взглянув на Маришу: - вот я пожалуюсь мамаше, что вы со всякими босоножками играть вздумали! Ступай прочь, девочка! Тоже, баловница, с барышнями водиться вздумала, затейница! Иди, иди к своему лотку...

Мариша громко заплакала и поплелась к матери, а няня повела домой своих питомиц.

Всю дорогу сестры молчали, но лукаво переглядывались друг с другом; они знали, - что мама не будет сердиться на них за знакомство с Маришей.

— Подумай, мамочка,— сказал Наташа, когда они пришли домой няня обо всём доложила барыне: — девочка понравилась нам, такая смирная, всегда тихонько сидит возле своей мамы, мы уже давным-давно заметили её... ей скучно... ну, правда, что босая, но что же делать, может быть, у неё и башмаков то нет!

Няня исполнила то, что я приказывала ей, она совершенно права! — с улыбкой сказала мама: — нельзя играть со всякими неизвестными детьми, которые встречаются на бульваре; ведь среди них могут быть и больные, и худые дети, с которыми вам не следует знакомиться, и няня обязана не допускать вас самовольно дружить с ними! На этот раз не буду бранить вас, так как я немножко знаю эту девочку, слыхала о ней от нашей Фени, и вы можете играть с ней!

Воля ваша, барыня, а только не пристало господским детям знаться с босоножкой, — ворчала няня, — на моих барышень все любят: и красивы, и нарядны... за них стыдно!

— Няня! ты глупости говоришь! — рассердилась до сих пор молчавшая Лиза; — мало быть красивыми и нарядными, надо быть добрыми и хорошими... Правда, мама? Пусть, Мариша ненарядная, а она — не такая баловница, как мы? Правда, мамочка?

Конец дня прошёл в горячих спорах между детьми и няней. Но на другое утро всех ждал неожиданный сюрприз, когда девочки только что начали одеваться и, по своему обыкновению, шая, бегали по комнате, в детскую вошла мама с горничной Феней, несшей большой узел с разными старыми платьями и бельём.

Поздно встаёте, — сказала мама, лаская и целуя подбежавших дочерей: — смотрите, уже девять часов, а вы не одеты... давно пора быть готовыми, тем более, что для вас уже приготовлена работа.

Феня разложила принесённые вещи; девочки с любопытством подбежали к ней.

Вот, барышня, ваше платьице, розовенькое, — улыбаясь, сказала Лизе Феня: — помните, как всю оборочку оборвали, прыгая через верёвочку; теперь извольте пришивать. А тут передничек, надо заплатку наложить, заштопать чулочки...

Мама, да зачем же: чинить все это старьё? — изумились девочки: — мы не станем носить такую гадость.

Как зачем — не догадались? — замялась мама: — няня ворчит, что ваша новая знакомка плохо одета, Вам она понравилась, значит, будет нетрудно заняться её гардеробом; это гораздо забавнее, чем шить на куклу. Мать Мариши бедная, она едва выторговывает себе на хлеб; где же тут думать об одежде для Мариши? А так как мои девочки вчера решили, что лучше всего быть хорошими, и добрыми, то я полагаюсь на их слова и предлагаю поработать для Мариши. — С удовольствием, мама. Через час в детской царил полная тишина. Довольная няня наслаждалась желанным покоем: детям было некогда шуметь, приходилось работать как можно проворнее и добросовестнее, чтобы скорее одеть Маришу. Феня вызвалась помочь им; но это оказалось невозможным, так как ей пришлось, убравшись в комнатах, спешно бежать на рынок за башмаками для Мариши. На башмаки были отданы общие деньги Наташи и Лизы, вынутые из копилки;

Вечером усталые от непривычной работы девочки опять гуляли на бульваре, но уже не бегали, как вчера, а сидя на скамеечке с няней и Маришей, читали сказку. Няня шила, а Мариша тарщила глазки, не то слушая чтение, не то любясь своим платьем, передником и новенькими башмачками с блестящими пуговками.

